

Война, море, Одесса...

Поэма "Передать Ивановой" относится к наиболее известным произведениям Ивана Рядченко. Можно сказать, что она занимает особое место в творческом наследии автора, поскольку фактически охватывает три основные темы его поэзии — война, море, Одесса.

Написана она была уже в мирное время — в 1953 году, и тогда же поэт решил посвятить ее своему близкому другу, моряку, участнику войны Ивану Гайдаенко.

Редакторы охотно включали эту поэму в различные сборники: "Пока на свете есть война" (1958), "Поэмы" (1960), "Стихи и поэмы" (1975), "Время винограда" (1981), "Избранные произведения в двух томах" (1984). При каждой новой публикации автор вносил отдельные поправки, и любознательней читатель может убедиться, как постепенно текст поэмы становился более совершенным.

В издании 1958 года две первые строчки выглядели так:

На рыжую глину переднего края
свалился Степан Байдебура — матрос.

В 1960 году цвет глины стал красным (кровавым). В сборнике 1975 года глина в прифронтной полосе обрела черный колер. Таким и остался ее цвет и в 1981, и в 1984 году. По одному этому факту видно, как поэт постоянно стремился улучшить текст произведения.

Особенно значительной переработке текст поэмы подвергся в 1994 году, когда Иван Иванович готовился к встрече с ветеранами на вечере, посвященном 50-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков. Вечер прошел 28 октября в зале Дома офицеров.

Помню, как за несколько дней до этого события Иван Иванович решил перепечатать поэму. Положил перед собой второй том двухтомника. Этот сборник он постоянно держал в верхнем ящике своего письменного стола. И приступил к работе. Напечатал первую строку:

На черную глину переднего края...

И вдруг взял в руки простой карандаш и стал вносить правки прямо на полях книги. Изменилась вторая строка:

...упал Байдебура — геройский матрос.

Перепечатал третью строку, оставив ее без изменений, и следующую:

Рванул воротник, захрипел, умирая,
и глухо такие слова произнес...

В четвертой строке слово "тихо" заменил другим наречием — "глухо". Вторую строку автор вообще зачеркнул. И правильно сделал: вряд ли умиряющий матрос мог быть таким многословным. Надо сказать, что это единственный случай сокращения текста поэмы.

Во всех прижизненных изданиях поэма "Передать Ивановой" имела 68 строк. В новой редакции автор оставил 67.

Ограничусь этими примерами исправлений. Остальные коррективы читатели легко найдут сами.

В недавно вышедшей книге "Воспоминания об Иване Рядченко" (2002) многие авторы рассказывают о своей первой встрече с поэмой: Л. Гагай, Л. Глишко-Долинская, Т. Овчаренко, Т. Сазонова и др.

Викентий Нечипорук, например, вспоминает: "Ивана Рядченко я впервые увидел и услышал в актовом зале Одесского университета в 1955 году на встрече одесских литераторов со студентами. Кроме него, однако, больше никто и не запомнился. Я был совсем юным студентом-филологом, большой зал университетского корпуса на улице Петра Великого был заполнен. И когда молодой, элегантный, с офицерской выправкой поэт начал читать со сцены свою поэму "Передать Ивановой", поразили две вещи: как хорошо он запомнил наизусть весь текст своей немаленькой поэмы и как легко и уверенно он владеет вниманием аудитории. И, конечно, сама поэма пленила литературным искусством, почти детективной фабулой, нравственным ригоризмом верности фронтовой дружбе".

Предлагаю альманаху текст знаменитой поэмы в последней авторской редакции.

Нинель РЯДЧЕНКО

Иван РЯДЧЕНКО

Передать Ивановой

Поэма

Ивану Гайдаенко

На черную глину переднего края
упал Байдебура — геройский матрос.
Рванул воротник, захрипел, умирая,
и глухо такие слова произнес:

— Ты слышишь, братишка, земляк белобровый,
невеста мечтает, что Степа живой...

Вернешься с войны — передай Ивановой:
Степан, мол, любил до доски гробовой.

Обидно, мне больше не сделать ни шагу...

Братишка, исполни матросский завет:
сними с гимнастерки медаль "За отвагу",
невесте отдай, как последний привет...

Уткнулся лицом он в степную ромашку,
вдохнул аромат, приподнялся слегка:
— И слышишь, браток... не снимайте тельняшку...
и море пусть рядом... зовет моряка...
С губами расстались последние звуки,
матрос над землей приподнялся опять
и лег, разметав бесполезные руки,
как будто задумал планету обнять...
Войска прорывались сквозь дымные дали.
Тянуло угаром с нерусских полей.
От нашего шага тряслись и дрожали
чугунные туши глухих королей.
И мимо их спеси, по крови и лужам,
вдоль зданий разбитых, упавших столбов,
я нес наравне с котелком и оружием
матросскую просьбу, чужую любовь.
Я думал порой, на опушке сосновой,
за миг до атаки, в огне и в чаду:
"Товарищ сказал — передай Ивановой...
А как же я ту Иванову найду?!"
Он имя ее не назвал, умирая.
Он очень спешил и забыл впопыхах...
Спросить бы — земля не ответит сырая,
хранит она тайны упорней, чем прах.
И мысль будоражила снова и снова,
и голос раздумья шептал не спеша:
Какая она из себя, Иванова —
блондинка? брюнетка? собой хороша?..
И вот наступила, назрела минута —
взрыл мокрую землю последний снаряд.
Солдат, озаренный огнями салюта,
пощупал себя — вроде, выжили, брат.
Нехитрый багаж — автомат да лопата —
сданы, как положено, в склад старшины.
Прошедший войну и четыре санбата,
я долгой дорогой вернулся с войны.
Акация всюду цвела и томила,
как будто не знала дыханья боев.

Вторая весна наступившего мира
совсем посводила с ума соловьев.
Все улицы, город — в цветочном угаре.
На бронзовом Пушкине раны видны.
Взлохмаченный, так он стоял на бульваре,
как будто бы тоже вернулся с войны...
Увидел я море, суда у причала,
где уголь и бочки, зерно и пенька,
откуда берет в океаны начало
путь сильных и храбрых, мечта моряка.
Товарища голос из бездны суровой
меня в этот миг на бульваре нашел.
Услышал я вновь: "Передай Ивановой..."
И тут же отправился в адресный стол.
Я шел, как солдат в боевую разведку,
я двум бюрократам устроил скандал,
но всех Ивановых я взял на заметку,
я их адресами блокнот исписал.
Пикировал шмель на рокочущей ноте.
Мелькали стрижи. Я уселся в саду
один на один с адресами в блокноте
и тихо сказал: "Обойду и найду!"
Достал я медаль, и на белом металле,
навек утверждая свое торжество,
весеннего солнца лучи заблистали,
как будто погладили молча его.
Я спрятал медаль, папиросы и спички,
на первый записанный адрес взглянул,
проверил заправку по старой привычке,
вдохнул — и рывком в неизвестность шагнул.
Садовая, десять, квартира четыре.
Взбегаю на третий этаж без труда.
— Живет Иванова в четвертой квартире?
— Живет. Проходите. Направо. Сюда.
Стучу. Открывают скрипучие двери.
Хозяйка в халатике легком своим
глядит удивленно.
— Ко мне?

— Не уверен.
— Входите. Сейчас разберемся вдвоем.
Вхожу в комнатушку. Конспекты и книжки.
Есенина том на скобленном столе.
С ним рядом — сухие еловые шишки,
степные цветы в неграненом стекле.
Простая тетрадка с фамилией четкой.
Прикрытый газетой холодный обед.
Жакет со знакомою пестрой колодкой —
короткая запись потерь и побед.
На тумбе фанерной духи и тетради.
Кровать по-девичьи скромна и узка.
А в серых глазах, во внимательном взгляде,
как сестры — тревога, надежда, тоска.
Я стал объяснять, но, наверно, туманно.
Решился, спросил по-солдатски, в упор:
— Скажите: не знали вы в прошлом Степана?
И сразу потух загоревшийся взор.
Хозяюшка даже осунулась малость,
печально сказала короткое "нет",
губу закусила — и вдруг разрыдалась,
склонившись неловко на синий жакет,
висевший на спинке, на стареньком стуле.
— Простите... вы столько во мне всколыхнули...
Я, птица залетная, гость посторонний,
услышал невольно возникший рассказ.
Сердечное горе — как порох в патроне:
молчанье хранит, да взорвется подчас.
Она говорила, спеша и волнуясь,
как, дрогнув, упали росинки с цветов.
Ее тонкокосу юную школьную юность
швырнуло в гремучее пламя фронтов.
Окоп да землянка, да шапка-ушанка,
горячка атак да тревога штабов...
Тогда-то на землю и прыгнула с танка
ее фронтовая большая любовь.
Глаза озорные под шлемом ребристым,
ресницы, спаленные близким огнем.

Полмесяца счастья... Но долго танкистам
стоять не пристало на месте одном.
И вот на заре, по ракетному знаку,
заклятых врагов под собой хороня,
пошла, понеслась, устремилась в атаку
ведомая первой любовью броня.
Ушла — и пропала, куда — неизвестно.
Нигде не встречалась товарищам впредь.
Лишь в сердце осталась, как сладкая песня,
но та, что нельзя в одиночестве петь.
Сторело, как танк, отгремевшее лето.
Был в списки пропавших танкист занесен.
А девушка ждет-ожидает привета:
хоть мертвый, но должен откликнуться он!..
Так вот вы какая, Любовь Иванова!
Во веки веков не прощаю врагу,
что вашего друга — живого, родного —
вести в комнатушку сейчас не могу.
Но нечего делать. Сказал:
— Извините.
Ошибка. Мне нужен другой адресат.
И вышел на улицу. Солнце в зените.
Влюбленные пары в обнимку скользят.
Взглянул на окно я, где горе хранится.
Хозяйка, наверно, поплачет опять
и сядет читать про пырей да пшеницу —
она агрономом готовится стать...
Я вытащил снова блокнот с адресами,
не стал упускать уходящего дня.
Но та Иванова большими глазами
по всем адресам провожала меня.
Я шел торопливо. Пастера, двенадцать.
Нет входа парадного. Каменный двор.
Теперь не пришлось высоко подниматься:
я двери толкнул и попал в коридор.
Хозяйка годами постарше. И снова
все тот же стандартный и робкий вопрос:
— Скажите, пожалуйста, вы — Иванова?

(А чувство такое, что горе принес).

— По делу? Простите, я только с работы.

Входите, а то подгорают блины... —

Военный в погонах майора пехоты
с укором смотрел на меня со стены.

Два хлопца, скатившись с дивана большого,
насупились молча в углу у окна.

— Боюсь, что опять вы не та Иванова,
которая мне до зарезу нужна.

— Бывает... — она не потупила взора,
но, словно без сил, оперлась на комод.

Напрасно вошел я в квартиру майора,
который сюда никогда не войдет.

Враждебность мальчишек и женщина эта
мне все объяснили: им некого ждать.

— Простите. Ошибка. Напутали где-то.

Мне нужно от друга привет передать.

Мальчишки стояли, насупившись, рядом,
и оба, безмолвно, прижавшись к стене,
глядели мне вслед непрощающим взглядом
за то, что я — жив, а отец — на войне...

Клубились акации розовым паром,
свистели на сотни ладов соловьи.

По всем площадям, переулкам, бульварам
я бил невоенные туфли свои.

Во всех городских оживленных районах
встречал Ивановых — седых, молодых,
веселых и бойких, ленивых и сонных,
замужних и вдовых, радушных и злых.

В воскресные дни я старательно брился,
завязывал галстук, на поиски шел.

Я даже на свадьбу попасть умудрился
и был громогласно усажен за стол!..

Тощал календарь. Пароходы гудели.

Несли малышей из родильных домов.

Весна разменяла цветы и недели,
утратила свежесть дождей и громов.

Сходились влюбленные к пушке над портом,

не слушая боя счастливых часов.

Мне сделалось горько... В блокноте истертом
немного осталось уже адресов.

Пришел я на улицу Гоголя, восемь.

Красивая женщина вышла ко мне.

Я к ней обратился с бесплодным вопросом —
и вдруг... пробежал холодок по спине.

— Ах, вот что, — сказала, — я знала такого.

Все верно. Действительно, я — Иванова.

Но туфли снимите вот здесь, у ковра,

Не то занесете мне пыль со двора.

Усажен я был на простой табуретке
у самых дверей — чтоб не портить паркет.

Меня обступили вокруг статуэтки,
сервизы, венчавшие темный буфет.

А золото... золото здесь, без утайки,
холодную броскость металла храня,
с буфета, с подставок и с пальцев хозяйки
жестко глядело в упор на меня.

И женщина в пестром халате японском
как будто с рекламы, бела и кругла,
довольна квартирой и собственным лоском,
пропела, взглянув на себя в зеркала:

— Встречалась я с ним перед самой войною.

Была я в то время наивной, дурною.

Имел он по боксу какой-то разряд...

Но он-то, бедняжка, погиб, говорят?

Да что же такое? То явь или снится?!

Поднялся я, руку в кармане держа.

Взмахнули ее тушевые ресницы
и замерли снова, как иглы ежа.

Секунду стоял я, как судно в тумане.

Сдержался с трудом, но скандалить не стал.

Нащупал подарок матроса в кармане
и стиснул суровый и теплый металл.

Нарочно ступил на зеркальность паркета,
как будто в ответ на ее хвастовство,

подумав: "Не стоит ведь "золото" это
ни жизни его и ни смерти его".
Провел по лицу я тяжелой рукою
и тихо сказал, отступая за дверь:
— Простите. Ошибка. Бывает такое.
Он жив и на должности высшей теперь.
Вы слышите? Жив Байдебура. Навечно!
Все время он будет смотреть вам в глаза.
И он заходить не просил к вам, конечно.
Мы просто попутали с ним адреса...
Шагал я по городу улицей новой,
нашедший и что-то утративший вдруг.
И словно опять "передай Ивановой!"
шепнул мне сквозь время невидимый друг.
Не знаю — понравились просто черты ли,
иль что-то иное меня привело, —
Садовая, десять, квартира четыре.
Я вновь постучался — всем правдам назло!
И сделалось сразу тепло и легко мне,
когда я увидел студентку мою.
— Простите... я снова... я, знаете, вспомнил,
что с вашим Сергеем встречался в бою.
Лежал на шинели он бледный, суровый.
Я слышал, склонясь над его головой:
"Вернешься с войны — передай Ивановой
на память медаль и привет мой живой..."
Хозяйка шагнула навстречу без всхлипа,
лишь губ побелевших невольная дрожь.
И только глаза говорили "спасибо"
за эту мою вдохновенную ложь...
Потом я бродил подле моря понуро.
Но в шуме прибоя мой голос не глух:
— Ты слышишь, дружище, Степан Байдебура?
Я выполнил просьбу матроса, как мог.

1953 г.

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Публикация
"Золотой петушок"291
